С 2002 г. журнал «Государственная служба» входит в перечень периодических научных и научно-технических изданий, в которых ВАК рекомендует публиковать основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

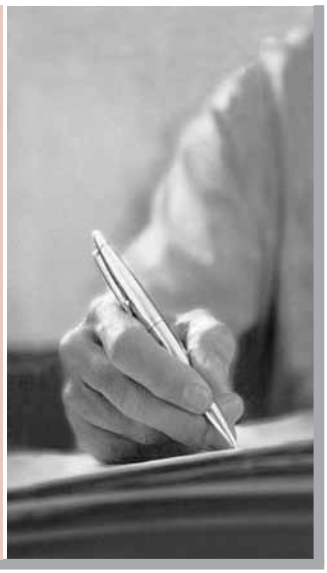
Материалы диссертационных исследований рецензируются экспертами РАНХиГС. Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Рекомендации авторам размещены на сайте редакции: www.mgs.rags.ru

Просим направлять материалы по электронному адресу: mgs@ur.rags.ru

Информация о конкурсе аспирантских работ 2011 года размещена на сайте редакции: www.mgs.rags.ru.

Статьи публикуются под знаком



УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТОМ СПЕЦИАЛИСТОВ ОПАСНЫХ ПРОФЕССИЙ

Оксана РЫБАЛКО
кандидат психологических наук

Профессионализм деятельности специалиста подразумевает владение профессией на уровне мастерства, т. е. наличие развитой способности решать актуальные задачи новыми способами, полученными благодаря гибкой трансформации профессиональных умений на высшем уровне их освоения. Это значит, что специалист может успешно внедрить новшество, обеспечивающее качественный рост и развитие системы, в которой совершается его профессиональная, служебная деятельность.

Человек, обладающий высоким уровнем профессионализма, по определению должен быть способен к инновационной деятельности. Однако опыт показывает, что зачастую инновирование, особенно в таких стабильных структурах, как государственная или военная служба, либо в принципе не возникает, либо встречает сопротивление.

Государственному служащему, призванному трудиться в целях обеспечения устойчивости государственной системы управления, приходится периодически (в соответствии с нормативами профессиональной аттестации) или спонтанно (вследствие ускорения социально-политического и экономического развития) адаптироваться к трансформациям этой системы, что требует гибкого сочетания процессов следования стереотипу и готовности к его преобразованию. От того, насколько специалисту это удастся, будет зависеть успех его конкретной деятельности и развития государства в целом.

Существование любой системы предполагает чередование этапов развития. В зависимости от методологических оснований модели развития могут быть разными, но общее в них – различные варианты взаимодействия старого и нового. Последние находятся в определенных отношениях, функционирующих по правилам, обусловленным свойствами субъектов-носителей. Так, необходимость перехода к инновационному пути развития адресуется именно субъектам инновационной деятельности, которые должны «задавать вектор развития, организовывать информационно-технологическое пространство, быть способными разрешить проблемы и противоречия на всех этапах построения национальной инновационной системы» [1, с. 25].

В дискуссии о правомерности применения понятия «инновация» в управленческой деятельности нет единой точки зрения о ее содержании, механизмах и способах реализации в пространстве сознания. Очевидно, что инновация представляет собой нечто новое, не просто выходящее за рамки привычного, а **способное повлиять на модель мира как отдельного человека, так и организованной социальной общности**. В психологическом смысле модель мира, по мнению профессора Санкт-Петербургского госуниверситета Р.М. Грановской, представляет собой виртуальный, т. е. существующий во внутреннем пространстве психического отражения, образ окружающей среды, который направляет, организует (ограничивает) восприятие и формирует комплекс идей и концепций [2, с. 24]. Благодаря картине мира человек понимает общество, социальный порядок и себя в этом обществе. Она обладает следующими свойствами: **стабильностью**, так как обеспечивает устойчивость психики; **инерционностью** – в силу того, что действует по закону экономии усилий; **агрессивностью** к новому, поскольку за пределами привычных и устоявшихся взглядов, способов реагирования на окружающее у человека возникает ощущение страха и несостоятельности, что заставляет возвращаться в рамки модели вплоть до отрицания фактов реальности, противоречащих усвоенным ранее схемам.

Общество как субъект инновационного развития, имеющий определенную картину мира, структурированную по названным принципам, оказывает сопротивление призывам коренной модернизации в силу своих объективных свойств. Поэтому идеологии и стратегии инновационного развития следует учитывать реверсивные реакции системы, когда «слова об инновационном пути развития, о высоких технологиях могут повиснуть в пустоте, поразительно быстро забываться, а потом уже восприниматься как привычный ритуал» [1, с. 11]. Ведь инновационная идея, «наложенная» на устоявшийся стереотип, представляет собой тупиковый вариант, так как субъект не обладает адекватными свойствами для ее реализации. Необходимо общее психическое пространство («латтитюд принятия», «реф-

лексивные плато»), способное совместить отдельные фрагменты старого и нового. Для его создания следует учесть такие свойства субъекта, как **сомнения**, **рефлексивность** и **творчество**, в совокупности представляющие собой инструмент, формирующий готовность к расширению модели мира с целью восприятия или продуцирования нетривиального, нового, инновационного.

Как применить теоретические посылы к подготовке к инновированию профессионализма государственного служащего, деятельность которого связана с когнитивно сложной и эмоционально напряженной коммуникацией, а также необходимостью принимать решения?

Придя в профессию, специалист формирует индивидуальную модель профессионального мира. Испытывая вначале тревогу и беспомощность, в процессе рабочей коммуникации и собственного опыта он получает адаптивные схемы действий, направленные на решение поставленных перед должностью задач. Схемы, превращаясь в стереотипы, экономят силы и защищают от страха не справиться с работой. Через некоторое время освоенных способов исполнения работы оказывается недостаточно в связи с перестройкой смысловых структур профессионального сознания и переориентацией на новые цели, которые требуют иного инструментального обеспечения. Наступает профессиональный кризис, который в случае благоприятного разрешения должен привести к переосмыслению и дальнейшему развитию человека в профессии путем приобретения новых знаний, умений, навыков, а также профессионально важных качеств, что обогащает профессиональную модель мира.

Однако на практике это происходит далеко не всегда. Модели мира, в том числе профессионального, инертны и агрессивны к новому. Это подкрепляется и социальными условиями, в которых стереотипы позволяют упрощать взаимодействие людей, повышая его однозначность, что дает возможность человеку почувствовать себя частью целого, а значит, более защищенным и менее нагруженным ответственностью [2, с. 179].

Быть «как все» и оставаться собой – один из базовых внутриличностных конфликтов, которые приходится решать в перспективе инновационной деятельности. Она актуализирует профессиональный кризис и самоопределение человека относительно устоявшейся модели мира профессионального сообщества, так как не всегда в нем есть готовые стереотипы, которые стоит лишь освоить на новом уровне своей компетентности.

Не менее важным является современное условие осуществления профессионального труда, а именно, высокий уровень стресса. Когда мозг работает в режиме перенагрузок – а в этом случае он интенсивно продуцирует шаблонные решения, – у человека нет психологического пространства и времени для размышления, рефлексии своих возможностей и ограничений, что может приводить к неэффективным способам действий.

Таким образом, очевидно, что объективный ход профессионального развития уже содержит в себе условия для сопротивления инновациям. Профессиональный кризис без выхода на иной уровень компетентности ведет к стагнации. И «плыть по течению» здесь означает выбрать тупик. Поэтому ответственность специалиста зачастую заключается прежде всего в преодолении себя, анализе своих результатов и объективной оценке возможностей, т. е. в **рефлексии**.

Последняя, в самом общем смысле, представляет собой способность отражать собственные психические процессы познания окружающего мира и свое поведение, а также процессы отражения внешней и внутренней реальности окружающих людей. Именно с рефлексией связывают возможность постановки целей, управления ситуацией и долгосрочного планирования, а также постижения смысла жизни. Достигается это за счет возможности «как бы приостановить, прервать непрерывный процесс жизни и вывести человека мысленно за его пределы» [1, с.46].

Таким образом, в профессии существует два состояния человека – растворенность в нормативно и легитимно принятом способе действий, который выполняет функцию защиты от страха, связанного с новизной, что мешает возникнуть эффекту инновации; и некоторая внутренняя отстраненность от ситуации, готовности к неожиданной переструктуризации элементов системы и большой вероятности оказаться уязвимым. В зависимости от того, какую позицию выбирает специалист, выделятся два варианта осуществления им своей деятельности в профессиональной системе.

Первый заключается в том, что информация, выведенная на «экран сознания» (в область актуального поля восприятия), полученная прежде всего из внешних источников и исключающая восприятие субъектом самого себя, подвергается обработке согласно законам формальной логики, принятым алгоритмам, исходя из знаний свойств объекта и представления о желаемом результате. Условно обозначим это действие как «стимул-реакция», поскольку оператор осознания, т. е. механизм «присвоения заданной картины мира, осознания этого мира как собственного» (термин В. Лефевра) работает с объектом без учета внутренних психических условий (и своих, и объекта коммуникации), независимо от того, имеем ли мы дело с техническим устройством или с человеком. Специалист в данном случае находится в состоянии погруженности в ситуацию, ассоциирован со своими переживаниями и непосредственен в восприятии происходящего.

Второй вариант работы оператора осознавания заключается в «способности некоторых систем строить модели себя и одновременно видеть себя, строющим такие модели», т. е. «обладать знаниями о себе и осознавать себя как носителя такого знания» [1, с. 60]. В восприятии партнера по коммуникации объект воздействия наделяется функцией субъекта, и специалист, таким образом, взаимодействует со сложным самоорганизующимся образованием – «системой, сравнимой с исследователем по совершенству» [3, с. 408]. Как субъект-профессионал, он вступает во взаимодействие, в котором каждый равноправный участник многократно отражает друг друга и тем самым вступает в рефлексивные отношения.

Здесь специалист как раз и выходит в область «**над**» ситуацией, трансцендирует, как обозначают рефлексивную позицию исследователи. Именно **в рефлексии** человек формирует и изменяет цели деятельности, общения, поведения, созерцания и других видов активности (В.Е. Лепский). Речь идет о специфическом психофизиологическом состоянии, которое из погруженности в ситуацию, ассоциированности с ней позволяет человеку перейти в «иное измерение». Диссоциировав часть сознания, отрешив от непосредственного восприятия, оценок, отношений и переживаний, можно превратить эту часть, выпущенную в свободный поиск решения задачи, в особую воспринимающую субстанцию, обращенную к широкому информационному полю внутреннего опыта и сигналов окружения. Она чувствительна к воздействию таких фрагментов информации, которые мы не можем воспринять в ассоциированном, включенном состоянии, и в то же время способна совершать специфическую работу, формируя продукт сознания (мысли, образы, впечатления), который не может быть получен другим путем.

Диссоциация как феномен здоровой психики относится к механизмам психологической защиты и адаптации («разъединив» части сознания, перейдя к восприятию событий как бы со стороны, человек получает возможность трезво оценить их и действовать хладнокровно), а также к специфическим состояниям сознания, в частности транса, характеризующегося «неосознанным фокусированием внимания на собственных психологических процессах, формирующего иную внутреннюю реальность человека» [4, с. 32]. Транс может быть самопроизвольным (выражается словами «ушел в себя», «задумался», «сосредоточил-

ся») и индуцированным («наведенным» в результате специальных, например, психотерапевтических действий).

М.Н. Гордеев отмечает, что «диссоциация сознания и бессознательного… помогает создать непосредственное состояние, которое характеризуется и самочувствием, и возможностями, и собственной субъективной реальностью. Это очень важный и в то же время очень сложный для понимания феномен, который до конца не описан, и пути и механизмы его развития до сих пор остаются неизученными» [4, с. 168].

Транс, считает С. Гиллиген, способствует сохранению и расширению целостности автономного (саморегулирующегося) самосознания. Он дестабилизирует существующее состояние и открывает за счет специфического протекания химической и электрической активности клеток головного мозга возможности для спонтанной организации в новый порядок. С помощью таких переходных состояний человек конструирует мир своего опыта.

В то же время транс создает возможности для фундаментальных сдвигов во взаимоотношениях с привычными способами самопроявления [5, с. 16]. Он открывает доступ к самой мощной части человеческой психики – бессознательному, приводит «к сведению до минимума деятельность логической структуры левого полушария и максимальной активизации работу правого полушария головного мозга» [5, с. 55]. Левое полушарие чувствительно к построению причинно-следственных связей, усвоению законов формальной логики, стереотипов, социальных предписаний и норм. Правое полушарие «мыслит» образами, впечатлениями, когда-то полученными, но зачастую забытыми, которые могут быть актуализированы и включены в обработку информации в нужный момент. От того, может или нет человек обращаться к лево- и правополушарным способам обработки информации, зависят его возможности: быть подверженным стереотипам и невосприимчивым к творчеству (недоступно правополушарное «мышление») или способным к инновациям (доступны оба способа).

Рассмотрим, какие функции правого полушария могут быть задействованы.

Одна из главных функций правого полушария, необходимых для рефлексивного процесса, – пространственная ориентация, без которой рефлексирующей системе невозможно представить мир во всем многообразии его связей. Если левое полушарие перерабатывает информацию дискретно (прерывисто) и поэтапно, то правое работает одновременно и синтетически, что обеспечивает целостность, нелинейность отражения. Правое полушарие чувствительно к контексту, к фоновым сигналам окружающего мира (что, как отмечают исследователи, необходимо при решении креативных задач). При этом большой объем и высокая скорость перерабатываемой информации на образном уровне позволяют продуцировать практически бесконечное количество вариантов решений [5, с. 55]. Нечувствительность же к законам формальной логики порождает нестандартные композиции из фрагментов информации, соединенные неочевидными, нелинейными связями, что является основой для продуцирования инноваций.

В научной литературе роль правого полушария описана в механизме решения творческих, креативных задач. На наш взгляд, процесс рефлексии близок к процессу творчества, однако несводим к нему. Общим является возможность нахождения нестандартного решения. Но если к собственно творчеству зачастую относится «создание новых по замыслу культурных, материальных ценностей» (С.И. Ожегов), то рефлексия – это, вероятно, творчество в сфере принятия решений лицом, являющимся частью рефлексивной системы. В качестве условий нестандартного подхода выступают любые акты, связанные с действием «работы» психики: поведение, мысли, чувства, впечатления, отношения, ценности субъектов. Оставаясь в нормативно заданных рамках (вплоть до юридических, правовых ограничений), «творчество» скорее относится к способам совершения психических «операций», которое и будет являтся по сути рефлексивным. Поэтому в сфере принятия решений, на наш взгляд, уместнее говорить не о творческих, а о рефлексивных поступках.

В трансовом состоянии человек получает доступ к ресурсам, дополнительным возможностям своей психики, к информации, накопленной в течение жизни, впечатлениям, сохранявшимся длительное время, и способам обработки всех поступивших данных нестандартным способом. Но может ли он пользоваться этой возможностью в повседневном процессе деятельности? Безусловно, может. Различного рода трансовыми практиками обильно оснащено психологическое сопровождение профессиональной деятельности в Японии (не потому ли эта страна поражает своей способностью к инновациям?!). К широко распространенным специфическим приемам транса относятся ритуальные формы сопровождения профессиональной деятельности, отраженные в уставах воинской службы (например, текст присяги, государственный гимн, маршевые мелодии), в кодексах профессиональной чести («клятва Гиппократа») и т. д.

Психологам, обеспечивающим соответствующий инновационной деятельности уровень профессионализма сотрудников органов государственного управления, известны пути доступа трансового состояния, которое может быть достигнуто с помощью специальных тренировок и которое произвольно (по собственной воле) можно использовать для решения поставленных задач. Это классический вариант медитаций, предполагающий отрешение от окружающего мира и сосредоточение на внутреннем или внешнем объекте. Р.М. Грановская предлагает использовать «коаны» – несловесный путь постижения реальности, при котором предлагаемую задачу нужно не обдумывать, а созерцать и формировать образы. Этот тренинг позволяет ослабить эмоциональный шум, отрешиться от личной значимости и избавиться от стереотипных представлений [2, с. 302].

Диссоциации можно научиться, находясь в процессе индуцированных ресурсных трансов. При этом человека обучают обращаться в определенное – ресурсное – место или время своего прошлого, настоящего или будущего, в котором возможно пробуждение внутренних сил и способностей. А так как при решении задачи, особенно нестандартной, человек может исчерпать свои силы, так и не найдя адекватного решения, то подобная «подпитка» позволяет вернуться в работоспособное состояние, пополнить запас энергии, поверить в свои силы и найти выход [4, с. 186].

Эффективной, при этом еще и мобильной техникой является метод Х.М. Алиева «ключ», основанный на достижении трансовых состояний посредством применения идеорефлекторых приемов. Автор совершенно справедливо считает, что тренировать стоит состояния, а не то, что говорить и что делать [6, с. 13]. Ведь «затор» в принятии решений порой происходит не из-за того, что в арсенале не хватает знаний о вариантах действий, а из-за психофизиологической блокировки доступа к целостному и ясному видению ситуации, прогнозу ее развития, своим возможностям, в том числе интеллектуальным, представлениям о действиях других субъектов взаимодействующей системы и т. п. Для преодоления барьеров и существуют дополнительные психические возможности – ресурсные состояния, в частности трансовые, в которых и кроются неисчерпаемые возможности разрушения ограничений.

Осознать невозможность решить задачу из-за давления своего стереотипа означает совершить рефлексивное действие. Можно утверждать, что **одним из признаков профессионализма является сформированное рефлексивное свойство субъекта понять свои ограничения и идти по пути самосовершенствования**. Смысл совладания со стереотипами заключается в возможности высвобождения пространства, в котором человек может развивать свою личность и совершенствовать профессио-

нальное мастерство. Специалист выходит на новый уровень овладения профессией, применяя инновацию – внедренное новшество, которое качественно меняет систему осуществления его деятельности и, как следствие, профессиональную модель мира. В то же время не стоит преуменьшать значение стабилизирующих форм поведения, без которых субъектам профессионального пространства не на что было бы опереться.

Таким образом, и модель «стимул-реакция», и рефлексивная модель имеют право на существование, взаимно дополняя друг друга. Творчество не означает глобального разрушения привычного, поэтому, как и стереотип, может и не предполагать полной стагнации. Важна возможность и подготовленность к переходу из одного состояния в другое, а значит, и доступность их обоих. Тогда и развитие в профессии субъекта государственной службы и, как следствие, готовность всей системы к развитию и усвоению инноваций будут обеспечены «изнутри», за счет активности, инициативы и ответственности каждого.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: «Когито-центр», 2009.
2. *Грановская Р.М.* Психологическая защита. СПб.: Речь, 2007.
3. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: «Когито-центр», 2003.
4. *Гордеев М.Н.* Классический и эриксоновский гипноз. М.: Психотерапия, 2008.
5. *Александров Е.О.* Взорванный мозг. Посттравматическое стрессовое расстройство. Клиника и лечение. Новосибирск: Издательство «Сибвузиздат», 1992.
6. *Алиев Х.М.* Ключ к себе. Разблокирование скрытых возможностей. М.: Вече, 2008.

конкурс аспирантских работ

АРАБСКИЕ СТРАНЫ В ПОИСКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Анатолий БАРКОВСКИЙ
аспирант РАНХиГС при Президенте РФ

К началу XXI в. правящие круги большинства арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки подошли к осознанию необходимости поиска новых стратегических решений ряда проблем, которые во всей своей сложности обозначились еще в середине прошлого века, но приобрели особую значимость в условиях ускоряющейся глобализации. Как и тогда, с повестки дня не сходит вопрос о выходе этих стран на рубежи современного прогресса. Но теперь такой выход равнозначен преодолению отставания арабского мира не только от индустриально развитого Запада, но также от той наиболее продвинутой группы западных государств, где на основе «инноваций в области науки и образования, высокой креативности субъекта деятельности, использующего разнообразные мировые потоки информации», сформировалось постиндустриальное общество [1].

Как бы ни различались арабские страны по уровню политического, социально-экономического развития, присупая к проработке и реализации обновленческих реформ, все они пребывают под действием сходных в своей основе внешних и внутренних факторов. С одной стороны, западные державы, прежде всего США, всемерно побуждают арабские страны к «демократическому транзиту», отождествляемому с установлением многопартийной системы, проведением свободных парламентских выборов, защитой прав человека, с либерализацией экономики на базе рыночного хозяйствования и приватизации. С другой стороны, для многих из этих государств характерны вспышки порой весьма бурных столкновений «тех групп, которые ориентируются на дальнейшее обновление политического пространства, и тех, кто выступает с позиций консерватизма» [2]. Главную же особенность противоборства составляет то, что позиции его участников в настоящее время во многом определяются осмыслением опыта 50-60-х гг. прошлого столетия, когда ряд арабских, равно как иных стран третьего мира, придерживались стратегии «догоняющего развития», копируя западные модели модернизации государства и экономики.

Теоретическим обоснованием указанных моделей занималась группа американских и западноевропейских ученых. В их представлении суть модернизации сводилась к преобразованию традиционного (доиндустриального) восточного общества в современное (индустриальное). Данный процесс должен был происходить в форме эволюционного развития, индуцируемого изнутри (посредством реформ, которые осуществляет государство в законодательно регламентированных формах), а также извне (в виде западной помощи).

В основе философско-политических воззрений теоретиков модернизации находилось представление об однолинейно-поступательном характере развития мирового исторического процесса, а также о том, что его единственным и абсолютным двигателем являются научно-технические и культурные достижения Европы. Что касается неевропейского мира, в том числе восточного, то ему надлежало следовать по пути бесповоротного разрыва с «традиционным прошлым», ранее проторенному европейцами и отмеченному такими событиями, как промышленный переворот в Англии, французская и американская революции.

Последующая реализация «модернизационной парадигмы» на Востоке состояла в проведении там по примеру Европы централизации местных административных структур, индустриализации, наконец, в организации современной системы образования, а также системы санитарии и гигиены. Предполагалось, что по мере перенимания западных политических институтов и форм социальной организации восточное общество будет выходить из состояния традиционной замкнутости на семейно-клановых связях. Ускорение темпов модернизации Востока напрямую связывалось с созданием светских политических институтов, развитием товарно-денежных отношений в аграрном секторе, переходом кочевых племен к оседлости. Наряду с освоением достижений европейской политической и этической мысли все это должно было обеспечить вхождение восточного общества в эпоху демократии и либерализма [3].

Между тем в 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия в полосу структурного кризиса стремительно попадали именно те арабские, равно как и иные развивающиеся страны, которые ранее следовали стратегии «догоняющего развития». Своеобразным откликом на кризисные явления в экономике, рост социальной напряженности явилась едва ли не повсеместная активизация идейно-политической жизни. Довольно скоро развернулось противостояние двух группировок. Первая включала в себя исламистов, лидеры которых приписывали себе способность «исламского» решения всех проблем современности в случае прихода к власти и последующей